ПЕРСТЕНЬ
ЛУИЗЫ
ВЯЧЕСЛАВ
Иванов
МИССИЯ
ВЫПОЛНИМА

Вячеслав Михайлович Иванов

Перстень Луизы

Серия «Миссия выполнима»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50636320
Перстень Луизы: Вече; Москва; 2019
ISBN 978-5-4484-8109-3

Аннотация

Далекая западноафриканская страна, расположенная возле самого экватора, живет по своим древним и непонятным для европейцев законам. Но советскому хирургу Вадиму Карпову, приехавшему в Африку с самой, казалось бы, гуманной миссией, неожиданно для себя самого приходится с ними познакомиться: ведь им заинтересовалось таинственное общество «Сесайтис». У них своя тайная служба безопасности, которая не милует ослушников, а их представители проникли везде – в правительство, бизнес, армию, полицию…

Содержание

Хирург 5
1 5
2 10
3 22
4 30
5 42
6 45
7 52
8 56
9 64
10 74
11 81
12 84
Конец ознакомительного фрагмента. 88

Вячеслав Иванов
Перстень Луизы

© Иванов В.М., 2019
© ООО «Издательство «Вече», 2019
© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019
Сайт издательства www.veche.ru

Хирург

Жене Людмиле с любовью

1

Наконец-то день стал остывать, и одуряюще-яркое солнце спряталось за лохматыми шапками пальм, выстроившихся вдоль забора старинного госпиталя, построенного англичанами в этой африканской стране еще в ту далекую пору, когда Британия правила морями. Теперь забор был дряхл, таким же стал и спрятавшийся за ним госпиталь…

Именно сюда был вызван из дома советский хирург для осмотра больного, у которого внезапно «заболел живот». Старший группы советских врачей, доставив хирурга на машине к приемному отделению, уехал в центр городка – за свежим хлебом, который специально выпекался к ужину для состоятельных людей.

Хирург прошел в один из корпусов для осмотра больного и удивился: того в палате не оказалось. Санитар развел руками и объяснил, что больной самовольно покинул отделение, никому ничего не сказав при этом, а поиски на территории госпиталя ни к чему не привели. Хирург пожал плечами и решил подождать машину в офисе – там было относительно

прохладно и можно комфортно развалиться в кресле.

Он прождал часа полтора, но машина почему-то все не появлялась, хотя за это время она уже несколько раз могла вернуться в госпиталь из центра Магбурака – совсем небольшого городка. Хирургу надоело ждать, и он решил вернуться домой пешком.

Вообще-то это противоречило инструктажу, который в свое время провели в посольстве Советского Союза. Всех приезжающих в эту страну врачей предупредили: нужно быть осторожными. И хирург знал: несмотря на небольшое расстояние до дома, в дороге могло приключиться самое невероятное. Работавшие рядом голландцы и французы, к примеру, не выезжали ночью даже на операции, и в темное время суток обслуживанием больных занимались врачи «общей практики» – местные, получившие образование за границей. Ну а госпиталь, в котором работали адвентисты седьмого дня, по религиозным соображениям не принимал больных в субботу и в воскресенье… Поэтому местное население старалось попасть на лечение именно к советским врачам: они круглосуточно оказывали медицинскую помощь, да еще и бесплатно, и были к тому же опытными специалистами.

Ну а в дороге, как уже отмечалось, могло случиться всякое, включая укусы змей и скорпионов, которых в этой стране было видимо-невидимо. Особую опасность представляли собой кобры, одна из разновидностей которых могла не только укусить, но и умела плеваться ядом на достаточно боль-

шое расстояние, поражая при этом глаза человека или животного. Такой вот змеиный снайпер…

Родственники больного вообще-то могли подвезти советского хирурга, но только в том случае, если врач общей практики, вызвавший специалиста, хорошо знал этих самых родственников. Вот только в данном случае все складывалось как-то не так: больного нет, его родственников тоже не наблюдается… В конце концов, плюнув на инструкции, заждавшийся хирург взял длинную палку для отпугивания змей и другой ползающе-бегающей нечисти и в одиночку направился в сторону, где располагался его коттедж.

Дорога, извиваясь между деревьями, спускалась к центральной автомагистрали, около которой всегда толпились люди, ожидавшие попутные машины или распивающие различные напитки у небольших лавчонок, выстроившихся вдоль обочин. Чаще всего лавчонки эти строились из бамбуковых палок, связанных между собой и накрытых жестью, спасающей от проливных тропических ливней, обрушивающихся на городок по ночам в пору затяжного дождливого сезона.

Хирург быстро миновал эти убогие, но уже примелькавшиеся ему строения и перешел через дорогу. Дальше начинался парк из деревьев различных пород, в большинстве своем – фруктовых. Во время колониального правления англичане построили здесь более десятка коттеджей, расположенных друг от друга на расстоянии метров двухсот, а то и бо-

лее. Многие годы за этим парком никто не ухаживал, и он, по сути дела, превратился уже в лесной запущенный массив со множеством дорожек и тропинок, подходящих к каждому коттеджу.

Деревья плотно обступали дорогу, по которой шел хирург, а сквозь кустарниковые заросли, укрывавшиеся под их кронами, продраться было невозможно. Тропа в очередной раз изогнулась, нырнула в заросли, и тут сзади что-то громко щелкнуло. Хирург испуганно обернулся и в тот же момент почувствовал укол. Жгучая боль в ноге заставила присесть. При этом он все-таки заметил, что кусты зашевелились, потом послышался хруст сломанных веток.

«Дьявольщина! Что за тварь меня укусила?» – подумал хирург, механически отметив, что шум в кустах, совсем не характерен для ползающих тварей.

Он хотел осмотреть ранку, но почувствовал такую слабость в мышцах, что сначала тяжело осел на дорогу, а потом и вовсе опрокинулся навзничь. Однако сознания при этом не потерял. Хирург все видел, чувствовал сладкий запах деревьев, дергающую боль в голени, но не мог даже пошевелиться. Было такое ощущение, будто ему вкололи миорелаксанты, которые враз обездвиживают человека.

«Чушь… Но это точно миорелаксант, я ведь не могу даже крикнуть… – подумал встревоженный врач.

К нему подошли несколько чернокожих людей в набедренных повязках. На шее у них висели амулеты из мелких

частей животных, а на лицах было множество шрамов, большей частью расположенных в области наружных углов глаз и расходившихся в виде лучей к волосам, заплетенным в мелкие косички. Они переложили хирурга на циновку, сделанную из пальмовых листьев, через отверстия в ней продернули бамбуковые палки и понесли его через густой кустарник, между деревьями в сторону уже совсем дикого леса, который начинался сразу за городком. Двигались неизвестные достаточно быстро.

Хирург попытался встать и закричать, но его правая рука бессильно упала на плечо одного из носильщиков, а изо рта вырвался лишь слабый хрип. Процессия остановилась. Один из чернокожих приподнял хирургу голову и влил в полуоткрытый рот врача какую-то сладковатую жидкость. Глаза хирурга закрылись, и он потерял сознание…

2

Александр – старший группы советских врачей – подошел к машине, на которой приехал в магазин. За недолгое время его отсутствия с ней произошло что-то странное: машина стояла со спущенными передними колесами и открытой левой задней дверью. Мелькнула мысль об ограблении, но в салоне все было на месте. Осмотрев колеса, Александр заметил, что выкручены оба золотника. Вначале он хотел поменять одно из передних колес на запаску, но затем понял, что этим проблемы не решить: для второго-то колеса золотник тоже нужен. М-да… Лучше купить два золотника и накачать оба колеса ножным насосом. Александр так и поступил: пошел в близлежащий супермаркет и без проблем купил золотники. Но когда он открыл сумку с инструментами, то не обнаружил насоса, который вчера точно там был – он видел его, когда доставал отвертку.

– Вот так ситуация!.. – хмыкнул Александр.

Почесав в затылке, он решил зайти в ливанский магазин – его хозяйка госпожа Таравале нередко обращалась со своими явными и мнимыми болезнями к советским врачам и очень хорошо относилась к ним. Вообще-то все ливанцы (а их было очень много в этой стране) относились к русским с большим уважением – за твердую позицию Советского Союза, которая формулировалась так: «Нет войне в Ливане! Позор

американским и израильским агрессорам!»

Александр попросил продавца позвать хозяйку, семья которой жила на втором этаже того же дома, где был магазин. Через пару минут госпожа Таравале подошла к прилавку, с лучезарной улыбкой поприветствовала гостя и охотно пообещала ему помощь:

– Мистер Александр, присядьте вот на этот стул, пожалуйста. Я приготовлю для вас настоящий ливанский кофе, который вам наверняка понравится. А в это время мой шофер справится с вашей проблемой и накачает оба колеса, – мисс Таравале еще раз улыбнулась и скрылась за дверью.

Вскоре она опять появилась, на сей раз с подносом в руках – на нем стояли серебристый кофейник с длинной ручкой и две красивые маленькие чашечки с блюдцами. Мастерски приготовленный кофе издавал такой аромат, что Александр довольно улыбнулся.

Шофер отправился заниматься машиной, а Александр не спеша попивал изумительный кофе, разговаривая с мисс Таравале о последних событиях в стране.

– Что-то неспокойно сейчас в столице. Говорят, что готовится переворот и президент не удержит власть, – встревоженно поделилась слухами хозяйка.

– Вряд ли это возможно, – спокойно проговорил Александр со свойственной ему медлительностью.

Госпожа Таравале с гостем не согласилась:

– Вы помните, что было несколько месяцев назад, ко-

гда несколько высокопоставленных государственных деятелей оказались за решеткой? – спросила она.

Александр меланхолично кивнул, потом пожал плечами и пояснил:

– Если по правде сказать, нас это мало волнует. Наше дело лечить людей. А как вы знаете, мы это делаем неплохо…

– О! Да-да. Это действительно так, – оживилась мисс Таравале, после чего вздохнула: – Но события бывают часто непредсказуемыми, и можно только молить Аллаха о спокойной жизни здесь.

Александр еще раз вежливо пожал плечами и допил кофе. В это время вошел шофер и сказал, что машина в полном порядке и что господин может спокойно ехать дальше. Александр встал, хотел было достать деньги, но мисс Таравале замахала руками: она всегда рада чем-то помочь советским врачам, которые бескорыстно помогают и населению страны, и ей в том числе.

Поблагодарив хозяйку, Александр вышел из магазина, сел в машину и поехал в госпиталь, где, как он полагал, его ждал хирург. Однако он не обнаружил коллегу ни в приемном покое, ни в хирургическом корпусе. Озадаченно покрутив головой, Александр заметил старшего помощника врача Чарлза Камару.

– А хирург тебя не дождался и пошел домой пешком, – прохрипел Чарлз своим пропитым голосом.

– Ну, вот еще что выдумал… Не мог уж чуть-чуть подо-

ждать… – процедил сквозь зубы Александр и заторопился к машине.

– Ты что-то долго ездил. Даже я подумал: не случилось ли что с тобой, – пояснил Камара.

– Кто-то вывернул золотники из передних колес, и пришлось долго с ними возиться. Наверное, дети решили пошалить, – пояснил Александр.

Машина двинулась с места, а Чарлз Камара побрел к себе в дом, который находился сразу же за оградой госпиталя.

Александр быстро миновал автомобильную трассу и въехал в район, где располагались дома группы советских врачей. Эти кирпичные здания строили англичане, к ним были подведены все коммуникации: водопровод, канализация, электричество. На окнах стояли хорошие москитные сетки и решетки, а в комнатах были вмонтированы кондиционеры. Бетонный проход с жестяной крышей над ним вел в кухню – она была расположена отдельно и состояла из двух комнат. В одной из них стояла газовая плита, а во второй – чугунная печка, которая топилась дровами. Рядом с кухней – комната сторожа, который приходил к шестнадцати часам и всю ночь охранял дом. Днем же работал так называемый «бой», который выполнял всю работу по дому: мыл полы, стирал, гладил…

Около дома хирурга росли два дерева папайи с большими плодами у верхушки, лимонное, несколько сливовых и два огромных манго. По сторонам входной двери красова-

лись трехметровые кактусы с длинными иглами. На достаточно большом расстоянии вокруг дома не было ни травинки – результат труда старательного боя.

Александр подкатил прямо к входной двери и нажал на клаксон. Он решил пожурить коллегу за то, что тот не дождался его в госпитале. Из дома вышла жена хирурга. Завидев гостя, она улыбнулась – они были хорошо знакомы.

– Здравствуй, Надя. Позови, пожалуйста, Вадима, – попросил Александр.

– А он еще не возвращался… – ответила женщина, и улыбка медленно сошла с ее лица.

– Ну, значит, загулял мужик твой, – попытался отшутиться Александр.

– Как загулял? Ведь он поехал с тобой! – удивилась Надежда.

– Да, так же, как и наш бывший главный бухгалтер посольства… – сквозь зубы тихо выругался Александр и пояснил: – В госпитале сказали, что он пошел домой пешком.

– Разве ты его не встретил? – спросила Надежда.

– Если б встретил, то обязательно посадил бы в машину… Сейчас еще раз проеду по дороге. Хотя тут и идти-то всего минут пятнадцать – двадцать… – Александр явно встревожился.

И машина быстро понеслась по дороге, оставляя за собой клубы красноватой пыли.

Надежда помнила, какой поднялся переполох, когда внезапно исчезла Людмила – тридцатипятилетняя главный бухгалтер посольства (командировка за границу у нее была не первая). Людмила была не замужем, и ей очень хотелось уехать домой, чтобы найти себе там достойного мужчину. Здесь же это было совершенно невозможно – все на виду, и за каждым ведется негласная слежка…

С одинокими женщинами контракт заключался на один год, продлевался он лишь при большой необходимости. Но Людмила прекрасно справлялась со своей работой, и посол был очень доволен, что с ним рядом работает такой специалист. Он долго уговаривал женщину, чтобы она осталась поработать еще на один год, но Людмила стояла на своем и не соглашалась. Подошел срок возвращения в Союз, но документы на ее сменщика в посольство не пришли, и Людмиле объявили, что есть необходимость задержаться в этой африканской стране еще на несколько месяцев.

Людмила очень расстроилась, а однажды вечером незаметно исчезла из особняка, в котором жили технические работники посольства…

Утром поднялся переполох. В срочном порядке была создана группа из работников спецотдела посольства, которая разыскивала беглянку на протяжении трех суток. С помощью высокопоставленного полицейского, которому хорошо заплатили, они перевернули весь город. В конце концов Людмилу нашли – в компании двух темнокожих людей и пья-

ном виде. На следующий день ее отправили в Москву, для чего вывезли на машине в сопровождении двух работников посольства в соседнюю страну, так как из Сьерра-Лумпу самолеты в Советский Союз летали только один раз в два месяца…

Дорога была по-прежнему пуста. Александр доехал до автомобильной трассы и стал разглядывать людей, стоящих у обочин. Среди них не было ни одного белого. Наконец врач увидел знакомого, стоящего под навесом у одной из лавчонок с бутылкой пива в руках. Это был медбрат хирургического корпуса Дайфан. Александр посигналил.

– Я ищу хирурга, который покинул госпиталь пешком некоторое время назад, – сказал он подскочившему Дайфану.

– Минут двадцати назад он прошел через дорогу в этом месте и направился в сторону своего дома. Я видел его, он шел быстрым шагом с палкой в руке, – ответил медбрат и отхлебнул пива из бутылки.

Александр поблагодарил его и после недолгих колебаний решил еще раз проехать по дороге в сторону дома хирурга. Он ехал очень медленно и особенно внимательно осматривал обочины. Однако и сейчас врач не заметил ничего подозрительного. Он так и сказал жене хирурга, добавив:

– Дайфан сказал, что Вадим перешел не так давно через автомагистраль. Может быть, завернул к кому-нибудь из на-

ших коллег? Проедусь-ка я по домам. А ты не переживай. Мы скоро вернемся с ним вместе.

Вскоре Александр объехал все дома советских медиков, но и в них хирурга не оказалось. В голову врача лезли неприятные мысли, но он отгонял их – оставалась надежда на то, что хирурга мог пригласить к себе главный врач госпиталя, который хорошо знал русский язык, так как окончил Краснодарский медицинский институт и уже длительное время работал с советскими специалистами.

Главврач был высокого роста, с кругловатым лицом, очень эрудирован, а его большие черные глаза, как будто вываливались из орбит, когда он увлеченно рассказывал о каком-то событии, захватившем его. Мелкие черные кудряшки с проседью у висков и большими залысинами покрывали его голову. Одежда на нем хорошо сидела и отличалась оригинальностью и чистотой. Брюки всегда были аккуратно отглажены, а туфли блестели. Главврач курил только сигареты «Ротманс» в маленькой пачке, которую носил в нагрудном кармане рубашки с короткими рукавами. Отец его был парамончифом[1] одного из племен, населяющих страну, и умер совсем недавно, оставив сыну небольшое состояние.

В стране разрешалось многоженство, но у главврача была одна жена, которую звали Амина. Она была на полтора десятка лет моложе мужа и выделялась среди других женщин какой-то особенной красотой, стройностью, приветли-

[1] Вождем.

вым, легким характером и лучезарной улыбкой. Волосы у нее были волнистые (что не было характерно для жителей этой западноафриканской страны, расположенной почти у экватора), а кожа светлее, чем у других женщин. Амина работала учительницей в младших классах местной школы и очень любила детей.

Русские называли главного врача Рашидиком, хотя его полное имя было Харун Рашид Турей. Он не обижался и ценил советских врачей за их профессионализм и готовность в любое время дня и ночи оказывать медицинскую помощь населению страны, при этом, не беря никакой платы. Это выгодно отличало посланцев СССР от других иностранцев, которые, как уже отмечалось, ночью никогда не выезжали к больным, даже если возникала экстренная ситуация…

Когда Александр подъехал к дому главного врача, он увидел во дворе Амину и окликнул ее:

– Пригласи, пожалуйста, Рашидика. Он мне очень нужен, – проговорил Александр, закуривая сигарету.

– Его нет дома, – улыбнувшись, ответила Амина и пояснила: – Он поехал к шефу полиции, Клиффорду, по какому-то срочному вопросу.

«Что еще за “срочный вопрос”? Неужели ему уже стало известно, что куда-то пропал наш хирург?» – с тревогой подумал Александр.

Хотя… Шеф полиции был другом Рашидика, и их часто видели вместе.

– Давно он уехал? – уточнил врач.

– Минут пятнадцать назад.

Александр кивнул и направил свою машину в сторону полицейского управления. Уже издали он заметил, что возле здания толпится необычно много людей, причем были среди них не только полицейские. Собравшиеся о чем-то шумно беседовали между собой.

Александра это поначалу насторожило, но он вспомнил о том, что в этой стране очень много всевозможных праздников и сегодня мог быть еще один, о котором он попросту не знал.

Рашидика врач застал в кабинете шефа полиции и с порога рассказал об исчезновении хирурга.

– Видел ли его кто-то после того, как он покинул госпиталь? – спросил мистер Клиффорд.

– Да. Дайфан говорит, что он пересек автомобильную трассу и пошел по дороге через парк, – ответил Александр.

На некоторое время в кабинете повисла тишина.

– Подожди меня, пожалуйста, в своей машине, а мы с мистером Клиффордом подумаем, что можно сделать в этой ситуации, – наконец произнес Рашидик.

Александру не пришлось долго ждать.

– Поехали в госпиталь, поговорим с дежурным персоналом. Затем объедем дома всех советских врачей. Не исключено, что он сейчас сидит у кого-то и пьет пиво в хорошей компании, – предложил Рашидик.

– Это исключено, – отрицательно покачал головой врач. – Я уже посетил всех наших специалистов, но его не нашел. Да и не тот хирург человек, чтобы без жены ходить к кому-то в гости. Они, как нитка с иголкой, – всегда вместе… Наш хирург – человек серьезный и наливаться пивом не будет. К тому же он спортсмен: в свое время был кандидатом в мастера спорта по боксу, имел хорошо поставленный нокаутирующий удар с правой руки, чем до сих пор гордится. Он и здесь занимается спортом, – говорил Александр, а машина тем временем быстро ехала к госпиталю.

Когда они добрались до административного здания, к машине подошли Чарлз Камара и дежурный медбрат, которые подтвердили, что хирург покинул госпиталь примерно два часа назад и направился пешком в сторону своего дома.

– Давай объедем еще раз всех ваших специалистов, – опять предложил Рашидик. – Не исключено, кстати, что сейчас он уже пришел домой.

– Ну что же, поехали… Только не нравится мне все это: и то, что вывернули золотники из колес моей машины, и то, что хирург пропал невесть куда, – задумчиво сказал Александр. – Очень не нравится…

Они объехали все, что только можно дома, но хирурга так и не нашли. Он как сквозь землю провалился.

– Вот что, Александр, – сказал явно озадаченный главврач, – ты отвези меня в полицейское управление, а сам поезжай домой. Мистер Клиффорд сейчас уже, наверное, име-

ет какую-то информацию. Вечером я обязательно заеду к тебе и надеюсь, что с хорошей вестью.

3

Жена хирурга сидела в кресле в холле своего дома, а рядом с ней собралась вся группа советских врачей, за исключением Александра, уехавшего для организации поиска пропавшего.

– Ты не расстраивайся, Надя, он скоро придет. Скорее всего, его кто-то попросил посмотреть больного на дому, а он не смог отказать из-за своей порядочности, – сказал гинеколог Виктор. – Мы уже здесь почти два года, и ни разу я не слышал о том, чтобы люди внезапно пропадали.

– А как же доктор Кабо? – напомнила Надежда.

– Нашла кого вспоминать! Он же был пьяницей. Скорее всего, в пьяном угаре сам сцепился с отморозками из «Сесайтис», которые и утащили его в лес, – сказала рентгенолог Наталья Семеновна, которая была старше всех в группе.

– Конечно, можно предполагать самое невероятное, но давайте сейчас не думать о плохом, – рассудительно предложил Виктор. – Ты лучше вспомни, Надюша, как мы сюда приехали. И потом много хорошего было…

Жена хирурга слабо улыбнулась:

– Да, действительно… Ехали с надеждами и мечтаниями. Никогда не забуду, как нас встретил бывший консул в аэропорту, – сказала она.

…Надежда помнила раннее утро 7 марта 1985 года, когда они с мужем вылетели из международного аэропорта «Шереметьево» в далекую африканскую страну с экзотическим названием Сьерра-Лумпу.

В Москве стояла снежная и необычно холодная погода – температура воздуха опустилась до 27 градусов мороза. Их никто не провожал, поэтому шубу и дубленку пришлось везти с собой в Африку. В самолете летели также гинеколог и его жена, с ними хирург познакомился еще в Москве за несколько дней до отлета, в «Союззагранпоставке».

Виктор был огромного, метра под два, роста, со светлыми волосами и голубыми глазами, а вес его было трудно определить, так как живот далеко выступал вперед, а большая голова, казалось, намертво слилась с мощной грудной клеткой. Большие кисти рук напоминали раздутые резиновые перчатки. Зато на лице врача всегда сияла улыбка, которая притягивала к себе удивительной доброжелательностью. Его жена, Галина, была полной противоположностью мужа: невысокого роста, худенькая, подвижная, с задумчивой улыбкой на лице.

Перелет длился более десяти часов, и когда самолет приземлился в аэропорту столицы африканской республики, то за бортом оказалось 30 градусов. Выше нуля…

Здание аэровокзала утопало в зелени, а знойное солнце обжигало прилетевших из Москвы врачей своими лучами. Кругом было много темнокожих людей, которые, как им по-

казалось тогда, все были на одно лицо. Их кожа была настолько черной, что, казалось, отдает синевой.

Их встретили старший группы врачей Александр, и консул посольства Валерий Алексеевич. Это был мужчина 38–40 лет, высокого роста, с развитой мускулатурой. Хорошо отглаженные брюки, белая рубашка с короткими рукавами и галстук придавали ему солидность и выгодно отличали от других европейцев, находящихся в аэропорту.

Консул перемигнулся с таможенником, и тот на каждой вещи врачей поставил розовым мелом крестик, после чего багаж (а его было довольно много) подхватили чернокожие носильщики, и все пошли за ними к выходу из здания аэровокзала. На выходе таможенный офицер пропустил советских специалистов, не задерживая. Консул бросил ему пачку сигарет «Кэмел», после чего таможенник расплылся в радостной улыбке, продемонстрировав желтые кривые зубы. Когда хирург оглянулся назад, то увидел, что остальные «белые люди», прилетевшие на том же самолете, стоят в длинной очереди у таможенной стойки.

Вещи быстро погрузили в машину «Ниссан патруль», которая понеслась по дороге, оставляя позади себя аэропорт…

Ярко светило солнце, обжигая зеленую траву и низко растущие деревья – это вызывало удивление и восторг у людей, прилетевших из заснеженной, холодной страны. Вдоль дороги порой попадались строения, напоминающие покрытые соломой сараи. Вокруг них копошились в пыли и бегали го-

лые дети, шли по своим делам чернокожие мужчины и женщины. У женщин грудь была оголена (это было непривычно для русских). Очень удивляло и то, что всю ношу местные жители переносили на голове. При этом руки их были заняты какой-то другой работой, например, чистили банан. Один мужчина, шедший вдоль дороги, нес на голове связанную за ноги курицу, это вызвало смех у ехавших в «ниссане».

Когда машина подъехала к паромной переправе, то у нее уже стояла очередь из двух десятков автомобилей, за рулем которых были как черные, так и белые люди. У некоторых из машин были красные номера, в левом углу которых стояли большие буквы.

– Это дипломатические машины с обозначением страны, посольство которой находится в этой республике. Вот, к примеру, UK обозначает United Kingdom – Объединенное королевство Великобритании. А цифры 1, 2, 3 и так далее обозначают положение хозяина этого автомобиля по занимаемой в посольстве должности, – охотно объяснил Александр.

Через несколько минут к берегу подошел большой паром, на нижней палубе которого размещались машины, а на верхней – пассажиры. Когда паром пришвартовался, на берег сошел моряк в белой форме, состоящей из шорт и рубашки с короткими рукавами, на которой золотом блестели погоны небольшого размера. К нему тут же подошел наш консул, который угостил бравого капитана парома сигаретой, после чего засунул пачку в его нагрудный карман. Тот принял это

как должное.

Когда паром наконец-то полностью разгрузился, консул подошел к машине с врачами и сказал Александру, чтобы тот объезжал стоявшие впереди авто и двигался вслед за его машиной – на паром. Так и поступили. Потом Валерий Алексеевич пригласил приехавших на верхнюю палубу. Под навесом, рядом с рулевой рубкой стоял стол, заставленный бутылками с холодными легкими напитками и пивом. Консул представил капитану новых советских специалистов, после чего все устроились за столом.

Паром шел через залив около двух часов, и все это время Валерий Алексеевич общался с капитаном как со старым другом, встретившимся после долгой разлуки. На самом же деле консул по долгу своей службы как минимум один раз в месяц встречал самолет из Советского Союза и обязательно встречался с капитаном парома…

Для прилетевших из холодной, заснеженной России специалистов романтическое путешествие по теплому морю в хорошей компании, да еще и с холодными напитками в жаркую погоду, было, как сон. Сказкой казалась Надежде и история страны, о которой со знанием дела рассказывал консул.

– Прошлое республики Сьерра-Лумпу, да и Африки в целом очень интересно, и во многом связано с португальцами и англичанами, – говорил Валерий Алексеевич. – В 1600 году именно португальцы контролировали открытое ими Атлантическое побережье Африки и путь в Индию. Вернее, еще

контролировали. Их влияние было сильным на острове Арген, на островах Зеленого Мыса, в районе порта Эльмира, на Золотом Берегу, в Анголе. Метисы смешанного португало-негритянского происхождения преобладали в Синегамбии и в области Южных рек, а живущие на побережье народы знали португальский язык. Но скоро у них появились конкуренты. С тех пор как король Испании присоединил Португалию к своим владениям, голландцы, его противники, также принялись посылать экспедиции в Индию, ну а французские и английские «джентльмены удачи» были частыми гостями на Гвинейском побережье вплоть до Конго. – Он отхлебнул пива из бутылки и продолжил свой рассказ: – С 1600 по 1641 годы у берегов Африки португальское влияние слабело, а голландское росло. Потом до 1713 года усиливались французы и англичане. Голландцы закрепились на мысе Доброй Надежды, но потеряли Анголу, отобранную португальцами. Арген, Горе и другие поселения перешли в руки французов, которые основали Сен-Луи дю Сенегал и создали поселения на Берегу Слоновой Кости и на Невольническом Берегу. В 1702 году Испания была вынуждена уступить Франции привилегию на поставку рабов в испанские колонии. Ну а англичане построили или приобрели форты в Гамбии, Сьерра-Лумпу и на Золотом Берегу. В результате войны за испанское наследство Португалия попала под влияние Владычицы морей, которые по Утрехтскому договору получили пра-

во асьенто[2].

Специалисты внимательно слушали консула.

– С 1713 по 1800 годы английское влияние постепенно возрастало, хотя французы его постоянно пытались оспаривать. В ходе вооруженных столкновений форты подвергались нападениям, их захватывали, вновь отбивали. Работорговля оттесняла на задний план торговлю золотом и слоновой костью. Наибольшая доля в ней принадлежала англичанам, но их «догоняли» французы, затем голландцы и португальцы. Ну а войны периода Французской революции закрепили бесспорное превосходство английского флота, установившего контроль над мысом Доброй Надежды.

– А через него проходил путь в Индию, – вставил Александр.

– Да, вы правы. Через мыс Доброй Надежды тогда проходили все суда в Индию, и очень важно было иметь господство над теми местами, – продолжил Валерий Алексеевич. – В 1787 году в Сьерра-Лумпу – пристанище пиратов и работорговцев – был основан Фритаун, куда настроенные против работорговли англичане «репатриировали» 400 освобожденных в Англии рабов и 70 «нежелательных» белых женщин; так образовалась небольшая говорящая по-английски протестантская община чернокожих. Здесь был построен форт, который имел укрепление, пушки, жилые помещения, склады, мастерские. Заправлял всем этим хозяй-

[2] Исключительное право торговли неграми.

ством комендант, а жили в Сьерра-Лумпу многочисленные торговцы, солдаты, рабочие. Из-за высокой смертности они часто менялись. Кроме них на территории форта размещались пользовавшиеся доверием рабы, слуги и ремесленники. Форт, как правило, строился с согласия местного населения, нередко пушки защищали его от врагов, взамен европейцы получали провизию и товары из внутренних районов: золото и рабов. Форт платил налог местным правителям и одаривал их. Конфликты были редки. Реальную опасность представляли нападения с моря или из неприятельских фортов во время войн между европейскими державами. В таких случаях отряды, сформированные из местного населения, оказывали своим европейцам помощь. – Он допил пиво и замолчал.

– Как все это интересно! – мечтательно произнесла Галина.

– Первое время все кажется необычным и интересным, – кивнул Валерий Алексеевич. – Но имейте в виду: на смену экзотике быстро приходят рабочие будни, которые легко могут показаться серыми…

Понемногу надвигались сумерки, и легкий ветерок стал обдувать приятной прохладой советских специалистов, стоявших у перил парома. Очень быстро сумерки сменились чернотой ночи, и вдалеке показались огни большого города – казалось, что они погружены в воды залива…

4

В посольстве группу врачей разместили в лучших номерах. Было 8 марта, и всех пригласили на прием по случаю Международного женского дня.

Столы, накрытые в большом холле, ломились от угощений, которые приглашенные врачи раньше могли видеть только в зарубежных фильмах. Экзотические фрукты и овощи, мясные и рыбные кушанья были так аппетитно приготовлены и оформлены, что, казалось, будто они сошли с натюрмортов фламандских живописцев. Разнообразие и обилие крепких и легких напитков поражало воображение. Каждый пил и ел столько, сколько мог. Все были нарядно одеты, а веселье и танцы продолжались до полуночи.

Потом врачи узнали, что такие приемы проводились в посольстве по случаю всех советских праздников. Правда, никто тогда не мог предположить, что это был последний прием с вино-водочными изделиями – увы, начинался пресловутый «горбачевский» период «борьбы с пьянством и алкоголизмом», сопровождавшийся невероятным количеством глупостей…

А наутро всех вновь прибывших врачей повезли на пляж. Разве мог кто-то из них еще недавно предположить, что в марте месяце он будет плескаться в теплой воде Атлантического океана, где огромные волны сбивают с ног неподго-

товленных людей? Все здесь поражало своей необычностью: и палящее с самого утра африканское солнце, и множество продавцов с овощами и фруктами, уложенными в корзины, установленные на головах женщин и детей. Непривычно было видеть на пляже белых женщин с обнаженной грудью (русские таких называли «голосистыми»). Многие из них занимались физкультурой и пробежками по полосе влажного песка.

Океан размеренно, с шумом выбрасывал на берег огромные волны, заманивая и завлекая. Но Александр сразу же предупредил новичков:

– В воду необходимо входить очень быстро, старайтесь успеть за уходящей волной. Зазеваетесь, и следующая волна утащит за собой и выбросит на берег, сбив с ног. А это, товарищи специалисты, запросто может привести к травме.

Вода в океане была очень теплой и прозрачной. Поэтому, отплыв от берега на некоторое расстояние, можно было увидеть сквозь воду, как плавают медузы.

– Какое же это наслаждение! – расплывшись в улыбке и поднося ко рту очищенный банан, произнес Виктор. – Совсем не хочется выходить на берег.

– В воде тоже надо быть очень осторожным: медузы могут обжечь кожу так, что зудеть она будет довольно долго, – обстоятельно поучал Александр.

– А акулы здесь есть? – спросила операционная сестра Татьяна. Она приехала из Таллина, ну а холодное Балтийское

море никак нельзя сравнить с теплым Атлантическим океаном у берегов Африки.

– Посмотрите вон туда, – ответил Александр. – Видите вдалеке людей и лодки? Это рыбаки. Однажды мы прогуливались по берегу, и стали свидетелями того, как они поймали акулу-молот. Они ее тут же разрубили на мелкие части и с криками выкинули в океан.

– Почему? – поинтересовался Виктор.

– Здесь, судя по всему, есть какое-то поверие, заставляющее поступать с акулами именно так, – предположил Александр. – Вообще-то это странно, ведь местные жители с удовольствием едят практически все, что летает, бегает, ползает и плавает…

В тот первый день врачи пробыли на пляже совсем недолго, но тропическое солнце сделало свое дело: у приехавших заметно покраснели лица и плечи.

Трехдневное пребывание в столице Сьерра-Лумпу произвело на медиков неизгладимое впечатление. Но необходимо было ехать туда, где им предстояло жить и работать, – в городок Магбурак. До него от столицы было больше двухсот километров, но поездка не принесла никаких трудностей – дорога оказалась очень хорошей, и «ниссан-патруль» мчался по ней с большой скоростью. Надежда вспомнила, как лица сидевших в машине людей обдувал раскаленный воздух, приправленный каким-то сладковатым ароматом трав и деревьев…

– Дома, где вы будете жить, хорошие, построены они из кирпича еще англичанами во время их колониального правления, – рассказывал Александр. – В каждом доме есть обслуживающий персонал: бой и вочмен. Бой моет полы, носит воду, стирает, гладит и выполняет все другие домашние работы. Вочмен, то бишь сторож, охраняет дом и вас с шестнадцати часов до утра.

– У хирурга будет самый лучший вочмен. Его зовут Бангура, – добавила Вера, жена Александра. – Он даже имеет ружье. Все в округе об этом знают и стараются близко к дому не подходить.

– Правда, ружье это хранится в его семье еще с прошлого века, – улыбнулся Александр. – Оно такое длинное, что чем-то напоминает кремневое. Занятно, но Бангура ходит с ним на охоту, и нередко достаточно успешно.

– Бой у Вадима и Надежды тоже очень серьезный и трудолюбивый человек, – продолжала давать характеристики слугам Вера. – У него две жены, двое детей, и он выращивает касаву на достаточно большом участке, прилегающем к дому хирурга.

– А что такое касава? – спросил Виктор.

– Растение с большими корнеплодами. По вкусу они напоминают картофель. Из касавы готовят национальное блюдо – пласас. Его компонентами являются рис, рыба, зелень и очень острый соус с толчеными орехами. Вообще-то у местных вся пища очень острая, нам ее трудно с непривычки

есть. Да и любое здешнее блюдо может содержать самые неожиданные ингредиенты, которые вам и представить трудно.

– Что именно? – спросила Надежда.

– К примеру, мясо удава. Они его очень любят и готовят из этого мяса самые разнообразные блюда. Или мясо обезьяны. Это вообще для местных деликатес, особенно когда обезьяна приготовлена на огне полностью и когда она пахнет палеными волосами. Вот как раз очень кстати… Видите, как вдалеке из леса в сторону дороги идет человек с ружьем на плече?

– Да. У него две какие-то сумки на плечах, – откликнулся Виктор.

– Это не сумки. Это обезьяны, – пояснил Александр.

Когда подъехали поближе, все отчетливо увидели, что действительно на длинных хвостах, завязанных на шее охотника, висели две убитые мартышки.

Сидящие в машине внимательно разглядывали дома, мимо которых проезжали. И, чем дальше машина отъезжала от столицы, тем дома эти были все невзрачнее и беднее. Некоторые из них напоминали курятники с входом без дверей. В жилищах были сделаны деревянные стеллажи, на них сидели и лежали люди. Вокруг домов бегало множество детей различного возраста. Опытный глаз медиков замечал у них пупочные грыжи, выпирающие из увеличенных животиков в виде сарделек и колбасок.

– А это что за мужичок бежит с двумя пластмассовыми бидонами по обочине дороги? – спросил хирург. – Куда он так спешит?

– Это он несет «пальмушку» – пальмовое вино. Его сливают утром сборщики вина в такие вот канистры литров на восемьдесят – сто каждая, и этот человек должен как можно скорее доставить вино в так называемые «рестораны», расположенные чаще всего у дороги и представляющие собой столы с лавками, врытыми в землю, под навесом из пальмовых веток.

– А почему нужно торопиться? – уточнил Вадим.

– В этом жарком климате «пальмушка» быстро начинает бродить и становится мутной, чем-то напоминающей нашу брагу, – ответил Александр.

– А как насчет градусов и вкусовых качеств? – деловито поинтересовался Виктор.

– Утром, когда вино только что соберут, оно чем-то напоминает сухое. Слабенькое такое, типа «Алиготе». Но после того, как «пальмушка» начинает бродить, она становится мутной, а процентное содержание спирта в ней повышается. Правда, при этом ухудшается вкус. Поэтому, чем раньше вино будет поставлено в холодильник, тем оно будет вкуснее.

– Интересно, как эту «пальмушку добывают»? – спросила жена гинеколога.

Александр, похоже, знал ответы на все вопросы, поэтому охотно начал новый рассказ:

– Этим в основном занимается люди из племени Лимбо. Они хорошо лазают по пальмам. Перед тем как забраться на дерево, они связывают очищенные от листьев пальмовые ветки, которые очень хорошо гнутся, в виде обруча, которому придают форму эллипса. Это приспособление одной частью эллипса закидывают через голову за спину, а второй – за пальму, и кольцо замыкается. Поднимаются сборщики «пальмушки» по стволу очень легко и быстро за счет выступов, образующихся после того, как в процессе роста опадают пальмовые листья. Передвигая вверх этот обруч и переступая ногами как по лестнице, человек достигает верхушки дерева. Там, где у пальмы расходятся листья, то есть у кроны, он вставляет в ствол бамбуковую трубочку и привязывает канистру, которая вмещает галлон[3] жидкости. По трубочке пальмовый сок стекает в канистру, и к утру она уже наполнена прозрачной «пальмушкой». Утром сборщик вновь лезет на пальму и снимает канистру. Продукт к употреблению готов…

– А это что там вдалеке за шлагбаум на дороге? – спросил хирург.

– О, это, можно сказать, достопримечательность Сьерра-Лумпу. Здесь его называют «Чек пойнт» – пункт проверки, по-нашему. Вот, к примеру, решили полицейские подзаработать, вдвоем или втроем берут две пустые железные бочки, на которые кладут толстую бамбуковую палку, пере-

[3] 4,5 литра.

гораживая дорогу. Машины проезжают и платят определенную сумму, в зависимости от того, что везешь.

– А если водитель не захочет платить? – полюбопытствовал Виктор.

Александр улыбнулся:

– Ему о-очень долго придется стоять около такого поста. А это на такой жаре не очень-то приятно… Если говорить о машинах, перевозящих людей, так называемых «Пода-Пода», то их пассажиры сами соберут необходимую сумму для того, чтобы двигаться дальше. Обычно эти «Пода-Пода» набиты до отказа, люди сидят порой даже на крыше. Да вот вам живой пример, посмотрите.

В это время их автомобиль начал снижать скорость, чтобы остановиться у чек пойнта. По ту сторону шлагбаума стояла полугрузовая-полулегковая машина, набитая людьми. Они сидели, свесив ноги, даже на крышке багажника, где были привязаны сумки, мешки и куры. Шофер что-то выкрикнул, и буквально за считанные секунды была собрана необходимая сумма денег, которую он отдал полицейскому. Бамбуковую палку подняли, и «Пода-Пода» поехала дальше.

– Нам тоже надо платить? – спросил хирург.

– Ну уж нет! Они же не платят, когда приходят к нам лечиться, – ответил Александр. – Достаточно будет и тех журналов, что нам дали в Доме русского языка.

Он высунулся из окна машины и, улыбнувшись, поприветствовал полицейских. После этого они перекинулись

несколькими фразами, и Александр протянул стражам порядка пару журналов «Moscow news». Полицейские радостно заулыбались и открыли шлагбаум, пропуская машину с врачами.

– Они будут читать эти журналы? – удивилась Надежда.

Вера рассмеялась:

– Конечно же нет! Они их сейчас же продадут, причем, за хорошие деньги. Здесь печатные издания стоят дорого. Посмотри, как богато эти журналы иллюстрированы. А какая бумага! В Советском Союзе таких нет.

И опять «ниссан-патруль» мчался по широкой дороге, оставляя за собой лесные массивы, поселки, мосты через небольшие речушки.

– В дождливый сезон эти ручьи наполняются водой и превращаются в довольно широкие реки, – сказал Александр. – А сейчас в них хорошо ловить рыбу. Нужен только хороший бредень или сетка. Кстати, прежний хирург достал у наших рыбаков, которые ведут промысловый лов в прибрежных водах Сьерра-Лумпу, сеть и подарил ее своему бою. Так тот в сухой сезон добывал рыбы столько, что и нас угощал.

– Вы ходите купаться на речку? – спросил Виктор.

– Нет. И вам не рекомендую. Вблизи рек плодится мошкара, передающая онхоцеркоз[4] в форме, при которой поражаются не только внутренние органы, но и глаза. Мы купаемся только в океане, когда приезжаем в столицу за почтой

[4] Гельминтозное заболевание.

и за зарплатой. Так что раз в два месяца одна из врачебных семей выбирается в столицу. Хороший отдых с купанием в океане и осмотром достопримечательностей. А в посольстве по вечерам показывают советские кинофильмы.

Врачи отъехали уже на большое расстояние от столицы, но шоссе поражало своей добротностью и ухоженностью. Даже в холмистых местах грунт был срыт, и дорога шла прямо без каких-либо подъемов.

Солнце тем временем поднялось уже высоко и стало заметно припекать. Александр попросил закрыть окна и включил кондиционер. Салон быстро наполнился прохладным воздухом, и Виктор, у которого рубашка на спине была уже мокрой, вздохнув полной грудью, откинулся на спинку сиденья и прикрыл глаза от блаженства. В Советском Союзе только у правительственных чиновников могли быть такие машины, а уж кондиционеры…

За разговорами и не заметили, как машина въехала в населенный пункт с одно- и двухэтажными зданиями и множеством различных магазинов. Снова заговорил Александр:

– В городе к нам очень хорошо относятся и приглашают на все торжества и праздничные мероприятия. Население видит, что мы искренне стараемся помочь им в любое время суток. Кстати, здесь много ливанцев. В основном они являются владельцами магазинов, и всегда угощают напитками или кофе, стоит только зайти в их заведения…

Свернув с центральной улицы, машина въехала в запу-

щенный сад, напоминающий лесной массив.

– Здесь расположены несколько домов, в которых будете жить вы. Сейчас нас встретят ваши помощники по дому – бои. Сильно их не балуйте, а требуйте исполнения работы как положено. Они за это получают довольно хорошие деньги от госпиталя, – подвел итог разговору Александр.

Дом, предназначенный для хирурга, оказался действительно лучше других. Он представлял собой одноэтажное строение в виде буквы «Т». Три комнаты, по пятьдесят – шестьдесят квадратных метров каждая, и большой холл соединялись с хозяйственными постройками крытым переходом и бетонированной платформой, возвышающейся над землей сантиметров на тридцать. Хозяйственные постройки состояли из кухни, где размещалась газовая плита, комнаты сторожа-вочмана и подсобки, с расположенной в ней чугунной английской печкой. Трава вокруг дома была выкошена на десяток метров, во дворе росли три дерева с плодами папайя, два манго, лимонное дерево и несколько больших сливовых деревьев. Все это напоминало хорошо ухоженный сад.

Бой споро перетаскал багаж приехавших и стал показывать хозяевам их жилище. Окна в комнатах были надежно забраны мелкой металлической сеткой и обрешечены. Мебель хорошо вписывалась в интерьер и была очень удобной. Только одна комната не имела мебели и не была отремонтирована. На стенах и даже на потолке виднелись грязные пят-

на, похожие на отпечатки собачьих лап.

– А что это за пятна? – спросил хирург.

– У прежнего хирурга в этой комнате жил бабуин, – пояснил бой.

– И где же он сейчас?

– Говорят, что он убежал, после того, как уехал его хозяин, – уклончиво ответил Фодя.

– А зачем он вообще держал бабуина? – удивилась Надежда. – Ведь с обезьянами, как я слышала, очень много проблем.

– Совсем нет. Этот бабуин был послушным. Он даже умел отгонять детей, которые приходили собирать сливу и манго. Они при этом очень сильно шумели и мешали хирургу и его жене спать после обеда. Собака детей не всегда могла отогнать, так как они залезали на деревья. А от бабуина им некуда было деться, он догонял сорванцов и на земле, и на деревьях. Потом они надолго забывали дорогу сюда. – Фодя явно одобрял действия охранявшей покой хозяев дома обезьяны.

Лишь через несколько месяцев врачи узнал, что бабуина съели в тот же день, как только уехал прежний хирург. В Западной Африке очень любят мясо обезьян, и на них специально охотятся в лесах…

Вот так и началась жизнь Надежды и ее мужа в республике Сьерра-Лумпу.

5

Рабочий день у советских врачей начинался в девять часов, за пятнадцать минут до этого за хирургом заезжала машина с коллегами. На переднем сиденье всегда размещался гинеколог – для этого большого человека необходимо было много места. В госпитале врачи переодевались, и начиналась работа – у каждого в своем отделении. Проходили дни, недели, месяцы…

Гинеколог сильно похудел и стал выглядеть намного моложе. Он рассказывал, что прежде сидел на многих диетах, соблюдал все посты, дважды лежал в институте питания, но никак не мог сбросить вес. Здесь же все произошло само собой – всего за пару месяцев Виктор похудел более чем на сорок килограммов, стал стройным и подвижным. Больше того, забеременела его жена, хотя, прожив вместе семь лет, они уже отчаялись завести детей.

Помимо оперативных вмешательств гинеколог совместно с главным врачом госпиталя теперь занимались и лечением бесплодия. В Сьерра-Лумпу эта проблема была очень актуальной: здесь разрешалось многоженство, и, чем богаче был мужчина, тем больше у него было жен. Врачи шутили, что в прежние годы процесс излечения был очень прост и состоял всего из нескольких этапов. Начиналось все с того, что пожилой супруг привозил свою молодую жену в госпиталь, глав-

врач размещал ее в отдельной палате. В рентгенологическом корпусе работал очень красивый и очень здоровый техник из Гамбии, который жил прямо на территории госпиталя. Окно отдельной палаты располагалось прямо напротив окон этого рентген-техника, который днем часто просиживал без работы, любуясь на юных женщин, зато вечерами он все время был чем-то очень занят…

Шутки шутками, но результаты реального лечения оказались поразительными, что тоже работало на укрепление авторитета советских врачей. Правда, первое время гинеколог очень возмущался тем, что у женщин зачастую возникали проблемы, вызванные дикой местной традицией. Суть ее заключалось в том, что у 9–10-летних девочек в домашних условиях вырезались клитор, а также большие и малые половые губы с некоторыми близлежащими участками мягких тканей. После этой процедуры девочка считалась подготовленной к семейной жизни и ее одаривали богатыми подарками. Объяснить русским необходимость и смысл нелепой процедуры никто не хотел, местные попросту избегали разговоров на эту тему. Конечно, советские врачи понимали, что это связано с многоженством – девочкам вырезали эрективные зоны для исключения каких бы то ни было неприятностей в последующей семейной жизни. Гинекологу жестокая традиция справедливо казалась варварством, создающим целый «букет» медицинских проблем, но… Сделать он ничего не мог, оставалось лишь лечить несчастных.

Среди советских врачей своей эрудицией и профессионализмом выделялся хирург, который очень быстро ориентировался практически во всех ситуациях. Он оперировал не только на органах грудной и брюшной полости, но и на костях и суставах, а также при травмах центральной нервной системы. Вадим безошибочно ставил диагнозы даже при самой сложной патологии и мог правильно определить тактику ведения операции не только у взрослых, но и у детей. Он быстро завоевал авторитет у всех врачей госпиталя, и к его мнению стали прислушиваться при выборе метода лечения сложных в диагностическом плане больных. У хирурга была какая-то сверхточная прогностическая способность, причем не только в правильном лечении болезни, но и в определении верного выбора в решении запутанных житейских вопросов. Все это притягивало людей к нему и вызывало какое-то особое уважение.

6

Стояла изматывающая белых врачей жара, хотя сухой сезон еще только начинался. Домашние животные прятались в тени вечнозеленых деревьев. Лишь изредка между корпусами госпиталя, сухо шурша, пробегали по выжженной траве ярко-оранжевые вараны. Их стремительные движения с внезапными остановками, во время которых ящерицы, задрав голову, пристально вглядывались в ту или иную точку, вызывали восхищение не только у новоприехавших. При малейшем шуме вараны мгновенно исчезали. Совсем по-другому вели себя обитающие на деревьях хамелеоны, которые практически не реагировали ни на какие внешние раздражители. Медленно меняя окраску, они передвигались по веткам, отвлекая от бесконечной суеты наблюдавших за ними медиков.

Время подходило к окончанию рабочего дня, русские врачи сидели в своем офисе и наблюдали из окна за передвижением хамелеона. Все молчали и с интересом созерцали смену окраски наружных покровов животного в зависимости от места нахождения различных частей его тела. Голова хамелеона была ярко-зеленой, так как она уже поравнялась с листьями дерева, а туловище еще оставалось коричнево-серым – под цвет ветки.

Неожиданно открылась дверь, и в помещение быстро вошла белая женщина высокого роста с русыми волосами. Го-

лубые глаза ее возбужденно блестели, а на впалых щеках был заметен неестественный румянец. Платье повисло на худом теле и выглядело далеко не новым, туфли были заметно изношены, а низкие каблуки сильно сточены.

– Здравствуйте, земляки, – заговорила она по-русски. – Меня зовут Валентина, и я совгражданка (так в Сьерра-Лумпу называли женщин, уехавших из Советского Союза за своими мужьями в другие страны, и имевших двойное гражданство). – Вы не могли бы проконсультировать моего сына. Он в последнее время сильно кашляет?

Этот визит никого не удивил – многие совгражданки частенько приходили в госпиталь, чтобы поговорить с земляками и повспоминать о России. Нередко их приводили сюда собственные болезни и болезни родственников. Совгражданки знали, что помощь будет оказана не только бесплатная, но и квалифицированная – порою им помогали медикаментами из гуманитарной помощи, присланной из Советского Союза. Лишь единицы из них жили достаточно хорошо, остальные перебивались от зарплаты до зарплаты, не имея возможности посетить Родину из-за высокой цены билетов на самолет. Все они общались между собой, и о каждой было известно все, но эта женщина была врачам незнакома.

– Я здесь впервые, так как живу на острове Бонд, – грустно сказала Валентина. – Раньше жила в Ставрополе и имею два высших образования: инженерно-техническое и экономическое. Мой отец – профессор в инженерно-строительном

институте, а мать – доцент в Ставропольском мединституте. Я вышла замуж за сьерра-лумпийца еще в Ставрополе. Родители, конечно, были против этого брака, но я настояла на своем. Когда муж закончил институт, он увез меня с собой в Сьерра-Лумпу, пообещав красивую жизнь. Много наговорил такого, чего в действительности не оказалось. Не было у него ни двух шикарных магазинов, ни большого дома на берегу залива, ни всего прочего… Затем у нас родился мальчик, который несколько отвлек меня от всех проблем. Но вскоре муж сказал мне, что готовится к серьезной работе в парламенте, что он находится в жесткой оппозиции к властным структурам и что его могут убить. Он очень опасался за нас и уговорил меня отправиться на остров Бонд на несколько месяцев. Туда можно добраться только в сухой сезон, проделав восьмичасовой путь на лодке, а в период дождей никакой транспорт на остров не ходит. Муж сказал, что вернется за нами, как только пройдут выборы. Но прошел год, а затем другой. И вот уже моему мальчику двенадцать лет, и он чем-то болен.

– Что же у него болит? – спросил Александр.

– У сына слабость и сильный кашель, хотя температуры нет.

– Понятно… Сейчас его посмотрит терапевт.

– Только я вас хочу сразу предупредить, что у меня нет средств, чтобы заплатить за обследование, – забеспокоилась Валентина. – Я собрала немного денег, которых хватит нам

только на дорогу. И я очень надеюсь на вашу помощь, как своей соотечественнице.

– Ну что вы, что вы… Мы конечно же поможем, – успокоил ее Александр и попросил терапевта пойти с Валентиной в приемную комнату, чтобы осмотреть мальчика.

Вскоре терапевт вернулась и сказала, что мальчику нужно сделать рентгеновский снимок легких: есть подозрение, что у него туберкулез. Пока рентгенолог занимался ребенком, Валентину пригласили в офис и стали расспрашивать о ее жизни в Сьерра-Лумпу.

– На что же вы жили все это время? – спросила операционная сестра.

– Я сейчас работаю учительницей математики в школе. Зарплаты хватает только на то, чтобы купить мешок риса. Конечно, деньги уходят и на мелкие расходы. В основном мы питаемся рисом.

– Ваш муж за это время так и не объявился? – медсестре было очень жалко эту женщину. – Ведь прошло столько лет. Может быть, его и в живых уже нет?

– Жив… Он сейчас в городе Маккени. К сожалению, я не сразу поняла, что он специально завез нас так далеко, чтобы мы не смогли выбраться оттуда.

– А вы не пробовали написать своим родителям и попросить их о помощи? – поинтересовался Александр.

Валентина понурилась, было видно, что ей тяжело говорить на эту тему:

– Нет, я не хочу их беспокоить… Когда мы уезжали из Советского Союза, они меня очень упрашивали, чтобы я не делала этого. Но я настояла на своем. Мы поругались, они в большой обиде на меня…

– Родительское сердце все простит… – начал Александр.

– Нет! Я никогда не позвоню им, – выпалила Валентина, выпрямив спину и твердо сжав губы.

В это время ее сынишка подошел к офису, и в проеме двери врачи увидели высокого, худого мальчика с красивыми чертами лица, большими карими глазами, маленьким носом и смуглой кожей. Волосы его вились крупными кольцами, создавая иллюзию только что сделанной прически.

– Это мой сын, и зовут его Артем, – представила мальчугана Валентина. – Мы с ним много говорим о Советском Союзе. Я обещала ему, что, когда ему исполнится четырнадцать лет, я постараюсь отдать его учиться в Дом русского языка во Фритауне. А затем, мы надеемся, что его через наше посольство направят учиться в Советский Союз. Ты увидишь, какая там замечательная природа, – обратилась Валентина к сыну, – попробуешь кефир. Это так великолепно и вкусно!

– Он что, никогда не пробовал кефир? – удивилась операционная сестра.

– Он много чего никогда не пробовал, – вздохнула Валентина. – Надеюсь, что это у него все впереди…

Разговор прервал рентгенолог, который принес снимки мальчика.

– У него туберкулез, – прошептал врач, вплотную подойдя к Александру. – Надо бы сделать снимки и матери, ведь они находятся в тесном контакте. Да и румянец на ее бледном лице тоже говорит о туберкулезе.

Ребенка попросили подождать за дверью, а Валентине объяснили, чем болен ее сын. Она очень расстроились, но плакать не стала.

– Где же я возьму деньги на лечение? – женщина с испугом посмотрела на окружающих.

– Мы дадим вам необходимые лекарства из гуманитарной помощи, – сказал Александр. – И попросим главного врача, чтобы он оказал содействие в дальнейшем лечении.

Вскоре стало ясно, что и у матери тот же диагноз… Александр снабдил Валентину необходимыми медикаментами и повел ее к главному врачу. В офисе после ухода Валентины заспорили. Кому-то было жаль эту женщину, кто-то не мог понять ее гордыни – единственная дочь не хочет обращаться к родителям за помощью… Гинеколог же сказал, что она сама во всем виновата, и пусть самостоятельно ищет пути выхода из сложившейся ситуации.

– Сама себя загнала в рабство под флагом любви, – кривя губы, процедил Виктор.

– Но при чем здесь мальчик? Ведь он живет впроголодь, не знает даже, что такое кефир! – возмущалась операционная сестра. – Они мечтают о Советском Союзе, но кто его сейчас возьмет туда с туберкулезом?

Вопрос повис в воздухе…

7

Поезд из Москвы шел по расписанию. В купе вагона № 12 ехали интеллигентного вида мужчина и женщина пенсионного возраста. Арсланов и Вахид Таджигенович лежали на верхних полках. Они читали, не обращая внимания на соседей, сидящих у столика и смотрящих в окно. Все обитатели купе перезнакомились еще до отправления поезда, но разговора как-то не получалось.

Молчали довольно долго. Первой не выдержала женщина:

– Один мой знакомый недавно присутствовал на ассамблее правительственных организаций, где поднимался вопрос о различных формах торговли людьми. Он называл такие цифры, от которых становится страшно… – заговорила она нарочито громко, чтобы ее могли услышать все.

– Что же это за цифры такие? – поднял голову ее супруг.

– Только в прошлом году у нас официально зарегистрировано две тысячи преступлений, связанных с торговлей людьми внутри страны и «на экспорт». А из постсоветской России, по оценкам следственного комитета при МВД, одних только женщин было вывезено не менее пятисот тысяч.

– Ерунда какая-то. Любят у нас стращать народ небылицами, – включился в разговор Вахит Таджигенович.

Но попутчица с ним не согласилась:

– Поверьте, это совсем не ерунда! По данным специали-

стов, эти цифры – всего лишь верхушка айсберга, то, что попало в поле зрения общественных и правоохранительных органов. По данным ООН ежегодно жертвами торговли людьми становятся 800 тысяч человек, – оживилась женщина. – По данным независимых экспертов, каждый год в России в этот трагический процесс вовлекается примерно 60 тысяч человек! Ужас…

– Вообще-то в это можно поверить, – поддержал разговор муж соседки, поправляя очки. – Сам читал о том, что в подмосковном Ногинске будут судить преступную группу, которая поставляла девочек-малолеток из Воронежской области в столичные бордели. Дурехам обещали фартовую работу «московскими продавщицами». А, доставив на место, запугивали, отбирали документы и превращали в сексуальных рабынь. И таких примеров полно: недавно в газетах писали об омском фермере-крепостнике, который получил срок за то, что в течение нескольких лет содержал, как скотину, избивал и насильственно удерживал четверых несчастных.

– Есть, есть чему удивляться! – перебивая супруга, затараторила женщина. – Это позорное явление на Руси приобрело поистине чудовищный характер.

– Я много повидал в своей жизни, но поверить в правдивость этих цифр трудно, – вяло возразил Вахид Таджиевич.

– Почему же трудно? – стояла на своем женщина. – Вот недавно писали о милиционерах Астраханской и Волгоградской областей, которые придумали себе приработок: с про-

ходивших транзитных поездов снимали нелегальных мигрантов из Средней Азии и продавали их в рабство местным землевладельцам. Навар делили между собой.

– А разве не факт, что за рубежом мы давно уже прославились своими «Наташами»? – вновь поддержал ее муж. – Схема превращения россиянок в сексуальных рабынь отработана до деталей. Сначала женщинам предлагают «высокооплачиваемую работу» за кордоном. Помогают им оформить визы, пересечь границы, дают крышу над головой. Но вскоре вдруг выясняется, что там, допустим, на Лазурном Берегу, все места официанток, барменш, фотомоделей, манекенщиц, гувернанток и продавщиц заняты. Вложенные в «путешествие» деньги предлагают отрабатывать в публичном доме. И вырваться из пут сексуального рабства удается очень немногим… Нашу страну сейчас многие называют одним из основных источников международной торговли женщинами. Нужно ли пояснять, чем это грозит нашей национальной безопасности и самому существованию России?

– Ну, это уж вы того… Далеко хватанули, – возразил Вахит Таджигенович.

– Вовсе нет! В заморские бордели увозят молодых и здоровых соотечественниц. Возраст большинства «транзитных» гражданок – до двадцати пяти лет.

– Но ведь и раньше женщины уезжали за рубеж, когда выходили замуж за иностранцев, обучавшихся у нас в стране. И нередко они оказывались, по сути дела, в рабстве, – при-

соединился к разговору Арсланов.

– Это были единичные случаи, – решительно заявила попутчица. – Да и женщины сами выбирали себе партнеров. Выехать в те времена за рубеж было настолько сложно, что только в исключительных случаях люди получали право покинуть Советский Союз…

8

Стояла жара. Уже утром солнце палило так, словно окатывало кипятком. Операций не предвиделось из-за отсутствия электричества, а больных, родственники которых могли бы оплатить приобретение дизельного топлива для госпитального генератора, в хирургическом отделении в тот день не было.

Внезапно к диспансерному отделению госпиталя на большой скорости подлетела машина, в кузове которой лежало обездвиженное тело, а вокруг него на скамейках сидели мужчины. Как только машина остановилась, они быстро соскочили на землю, и, взяв лежащего в кузове человека, быстро внесли его в комнату, где принимал врач общей практики.

По выработавшейся уже привычке, хирург тут же направился в кабинет, где принимал доктор Кабо, – врач госпиталя, который окончил медицинский институт в Одессе и хорошо говорил на русском языке.

Кабо редко бывал трезвым. С раннего утра он принимал стаканчик «пальмушки», потом прикладывался к нему еще и еще, и к концу рабочего дня всегда был пьян. По госпиталю он передвигался медленно, величественным взмахом руки приветствуя больных и здоровых и раздавая указания подчиненным скрипучим голосом.

На вопрос русских о том, почему Кабо так часто прикла-

дывается к стаканчику с вином, он отвечал, что выпивать его приучили в Союзе, когда он жил в общежитии медицинского института. Частые студенческие попойки по поводу и без оного сделали свое дело. А отказаться, по словам Кабо, он не мог, боясь обидеть «хороших людей» и из-за желания нравиться всем без исключения.

Стипендии в те годы ему хватало не только на питание, но и на различные увеселительные мероприятия. Да и родители присылали Кабо деньги на карманные расходы, а он тут же находил им применение.

К нему, как и ко многим иностранным студентам, липли девушки, искавшие экзотику и, чего греха таить, ощутимые материальные блага. Почти все иностранцы уверяли, что у них есть весьма состоятельные родители, а сами они на родине владеют виллами, магазинами или другой собственностью. Но любительницы красивой жизни верили всему, что говорили им иностранные студенты, а потому нередко попадали в неприятные ситуации.

Вот и мистер Кабо утверждал, что у него есть свой алмазный прииск, но родители присылают не так много денег потому, что правительство СССР не разрешает ввозить валюту в большом количестве. Разумеется, прииска у родителей Кабо не было и в помине. Был небольшой магазинчик, еле покрывавший расходы семьи. Несмотря на это, к шестому курсу института мистер Кабо жил гражданским браком с двадцатилетней Ларисой, которая ходила уже на шестом месяце

беременности. Ну а когда подошло время получения диплома, мнимый алмазодобытчик сказал Ларисе, что он поедет домой один, дабы подготовить все для встречи, а уж потом вызовет к себе любимую с ребенком. С тех пор прошло много лет, но ни о каком вызове не стоял вопрос и по сей день… Теперь у Кабо были местная жена и двое детей, но он редко ночевал дома, так как предпочитал проводить вечера и ночи с друзьями и подругами на танцах, проходивших до самого утра под бой барабанов и громкую музыку…

– Что с ним случилось? – спросил доктор Кабо, недовольно поглядывая на совершенно неинтересного ему пострадавшего, который по-прежнему не шевелился.

– Он утонул, – кратко ответил один из молодых людей, доставивших тело.

– Когда мы его вытащили из воды, он уже не дышал, – пояснил высокого роста человек с тяжелым взглядом и большим, чем у других, количеством параллельных насечек на обеих сторонах лица и массивным золотым кольцом, продетым через мочку левого уха.

Когда хирург вошел в комнату, на ковре из пальмовых веток лежал мужчина в мокрой одежде, красивых туфлях и с золотой цепью на шее. Глаза его были выпучены. На запястьях виднелись кровоизлияния в виде полуколец. Золотые часы остановились в 10 часов 12 минут. Пульс не определялся, тело было уже холодным, а зрачки широкими, не реагирующими на свет. Сердечные тоны не прослушивались.

– Я здесь не нужен, – произнес хирург, наклонившись к уху Кабо, и направился к выходной двери.

– Смерть от утопления, – пробурчал Кабо. – Ладно. Необходимые бумаги я оформлю сейчас у главного врача.

Хирург подумал о том, что на утопление все это не очень-то и похоже, но… В конце концов, это дело местных компетентных органов. Полиции, к примеру. И надо же такому случиться: по пути к офису он встретил главного врача, идущего вместе с начальником полиции. Хирург познакомился с ним в первые дни после приезда в Магбурак, они часто встречались, так как жилище мистера Клиффорда находилось недалеко от домов русских врачей. Кроме того, не реже одного раза в месяц главный врач устраивал для советских медиков вечеринки, куда обязательно приглашался и его друг.

Мистер Клиффорд был человеком высокого роста с широкими плечами, мускулистыми руками, обаятельной улыбкой и грубым громким голосом.

– Что случилось, Вадим? – на русском языке спросил главный врач, уловив смятение своего коллеги.

– Трудно поверить в рассказ так называемого очевидца, что утонувший, труп которого только что доставили, утонул сам, – с сомнением проговорил хирург.

– А что тебя заставляет сомневаться? – заинтересовался Рашидик.

– Все признаки говорят о том, что смерть этого бедолаги

была насильственной, – уверенно отрезал Вадим.

– Почему это тебя волнует? Без вскрытия доказать что-то невозможно. А ты знаешь, что мы практически никогда не вскрываем труппы. По религиозным соображения.

– Знаю. Но это особый случай. Давай этот труп вскроем. Я, когда работал в районной больнице, подрабатывал патологоанатомом, так что большого труда это не составит, – стоял на своем хирург.

– What's the matter?[5] – спросил начальник полиции.

Вадим, перейдя на английский, изложил ему свои сомнения, после чего мистер Клиффорд, немного поразмыслив, сказал, что согласен на вскрытие, если такая возможность имеется. Главный врач многозначительно посмотрел на хирурга, и, ничего не ответив, пошел в кабинет доктора Кабо. Тем день и завершился, но утром Рашидик подошел к Вадиму и спросил, не согласится ли он оказать помощь во вскрытии тела вчерашнего утопленника. Хирург ответил, что ему это будет очень интересно.

– Ну что же, – сказал главный врач, – тогда пойдем в морг, там уже все подготовлено.

Следуя за главным врачом, Вадим подумал о том, что уж больно все как-то складывается гладко… Не приведет ли его инициатива к чему-нибудь нехорошему? Но с консулом не проконсультируешься, потому как до посольства ехать и ехать, а телефонной связи с ним нет.

---

[5] Что случилось? (*англ.*)

– А с другой стороны, – пробормотал хирург, – что может произойти? Дело-то обычное…

Труп лежал на секционном столе в своей одежде. На левой руке его были японские часы марки «Ориент» с надписью на обороте «Water resister»[6].

Вскрытие проводилось по стандартной методике, и по завершении его хирург сообщил главному врачу, что смерть последовала не от утопления и что этот человек был брошен в воду уже мертвым.

– Почему ты так в этом уверен? – поинтересовался Рашидик.

– Во-первых, прекрасные фирменные водонепроницаемые часы никак не могли остановиться из-за погружения в воду. Они остановились из-за сильного удара. На запястьях покойного ясно заметны кровоизлияния, это говорит о том, что его кто-то сильно держал за руки. И, наконец, кусочек легкого не тонет в воде. Значит, утопления не было, – уверенно отрапортовал хирург.

– Но очевидцы утверждают, что он упал с моста в воду сам, – возразил главный врач.

– И тебе не кажется это странным? Молодой человек ни с того ни с сего падает с моста. Да и почему его тело было холодным, если в воде он был совсем немного, а на улице жара? – медленно проговорил Вадим.

Главный врач ничего не ответил и направился в свой

[6] Водонепроницаемые.

офис. Ну а хирург, перекинувшись несколькими словами с медбратом, пошел в свой кабинет. По пути его окликнул санитар, сообщивший, что у больного со множественными переломами ребер сильные боли, и он зовет врача. Однако, когда Вадим зашел в палату, где находился этот больной, то застал его спящим, а медицинская сестра сказала, что больной никого не звал. Подходя к своему кабинету, хирург увидел, что окно было закрыто, хотя хорошо помнил, что, когда он уходил, оно было распахнуто настежь. Происходило что-то странное…

Вадим осторожно приоткрыл дверь и увидел, как из-за стула поднялась точеная голова змеи. Сама тварь была зеленой с белым брюшком и темным хвостом. Быстро захлопнув дверь, хирург позвал главного врача.

Санитары-поторы палками забили змею и обнаружили еще одну такую же в шкафу, где висели одежда хирурга и сменный халат. Внимательно осмотрев гадов, главный врач сказал, что это «змеи-пятиминутки», после укуса которых человек умирает через четверть часа.

– Что происходит, Рашидик? Ты же прекрасно понимаешь, что змеи никак не могли заползти в мой офис при закрытой двери, а тем более забраться в шкаф, двери которого заперты на ключ! – произнес встревоженный Вадим.

– Успокойся. Я разберусь. Как-то все это связано между собой… Сейчас ясно только одно: покойному, которым мы сегодня занимались, не стоило идти на выборы в парламент

и претендовать на место спикера…

9

Арсланов вышел из здания администрации города, где провел больше часа. Еще нужно было зайти в ЖЭК, и он надеялся, что это не займет много времени. Увы, множество людей сидели там на стульях и стояли вдоль стен. Очередь двигалась медленно, но ожидающих, похоже, это не очень волновало: они азартно обсуждали интересовавшую всех тему выборов в областную Думу.

– Зачем нам морочат голову болтовней о демократии и свободе слова? На выборах победят те, у кого много денег! – возмущалась полная темноволосая женщина. Ее золотые зубы поблескивали, отражая электрический свет.

– Нет! Здесь я с вами не соглашусь, – заявил мужчина в очках и темно-синем галстуке. – Убежден: все зависит от того, что из себя представляет тот или иной человек и к какой партии он принадлежит, какова программа этой партии…

– Да что сейчас говорить о партиях? – перебила его молодая женщина с высокой прической и ярко накрашенными губами. – Их у нас тьма, вот только многие из них существуют лишь на бумаге. А одномандатники? В нашем доме один такой уже совершает «подвиги»: установил в подъездах металлические двери, обещает бесплатно счетчики для малоимущих. Смотреть противно!

– А кандидат в депутаты Неверов опять будет раздавать

сотенные купюры за то, чтобы проголосовали за него, – добавила пожилая женщина. – А инвалидам он приносил тонометры, перевязочный материал, зеленку и йод…

Арсланов слушал эти разговоры, а перед его глазами проплывали, как в кино, события, когда-то происходившие в далекой африканской стране, названия которой он никак не мог вспомнить…

На территорию госпиталя, состоящего из нескольких одноэтажных, давно не ремонтированных зданий, соединенных между собой крытыми переходами, въехала машина, на которой привезли стонущего мужчину с множеством кровоизлияний на теле. Его осмотрел хирург, облик которого память Арсланова не сохранила. Но по тому, что он разговаривал с главным врачом на русском языке, можно было с уверенностью сказать, что приехал хирург из Советского Союза… На вопрос хирурга о том, кто избил пострадавшего, главврач ответил, что тот пострадал на выборах.

– Неужели такое может быть? – удивился хирург.

– Бывает и хуже, – ответил главный врач.

– А что же он сделал?

– Попытался фальсифицировать результаты.

– А разве это возможно, Рашидик? – еще больше удивился хирург. – Вот у нас, в Советском Союзе, люди всегда знают, за кого голосовать, в депутаты выдвигают самых достойных. А у вас здесь получается анархия какая-то, да и только!

– Это особый случай, – терпеливо пояснил главный врач. – Представь себе наш избирательный участок, на который приходят голосовать в большинстве своем неграмотные люди. Там делаются кабины, обтянутые тканью, в них ставят деревянные ящики с прорезями. Над каждым ящиком вывешивается портрет кандидата. Голосуют, опуская в ящик специальные шарики. Кто получил больше шариков, тот и побеждает.

– Но ведь я могу принести с собой не один шарик и…

– Ну, это не так просто сделать. Во-первых, используются специальные пластмассовые шарики, на которых имеются выпуклые буквы SL. Каждому, стоящему в очереди на голосование, выделяют только один такой шарик, и он может проголосовать за одного кандидата.

– Что же произошло в этом случае? – хирург указал на избитого.

– Кто-то из высокопоставленных людей выделил ему большое количество шариков, он и бросил их в ящик. Но люди услышали, что упал не один шарик, а очень много… Его стали избивать. Могло все закончиться совсем плохо, его спасло то, что на избирательном участке присутствовали двое полицейских, которые и защитили бедолагу от разгневанной толпы, – улыбнулся Рашидик.

– Подожди, но как же он пронес в кабину большое количество шариков? Ведь он одет только в шорты?

– Голь на выдумки хитра, как вы говорите. У нас очень

много больных с гигантскими грыжами и водянками, которые достигают уровня коленного сустава. На них никто не обращает внимания. Этот вот человек, – Рашидик указал пальцем на избитого, – спрятал шарики в мешочек и подвесил его на пояс, имитируя большую грыжу. Бить его стали уже на выходе, когда услышали падение большого количества шариков и увидели, что «грыжа» исчезла.

– Но кто-то же дал ему эти шарики! Ясно ведь, что здесь имеет место сговор.

– Это трудно доказуемо, – спокойно ответил главный врач. – Да и кто будет заниматься этим в нынешних условиях? Ведь могут и убить!

* * *

Сезон дождей в Сьерра-Лумпу впору называть сезоном ливней. Вода с крыш стекала ручьями. Ее собирали в бочку, чтобы использовать в дальнейшем для хозяйственных нужд. Все это было связано с тем, что после ухода англичан в провинциальных районах не работал водопровод и не всегда давали электричество.

Было далеко за полночь. Разряды молний на несколько мгновений освещали раскачивающиеся ветки деревьев, растущих около дома. Но его обитатели уже привыкли к разгулу стихии. Внезапно сквозь шум дождя пробился рев автомобиля. Свет фар пробежал вдоль стены дома. Затем хлопну-

ла дверь, и хриплый голос помощника врача Чарлза Камары разбудил русскую чету.

– Что случилось? – спросил хирург.

– Прошу меня извинить, – прохрипел Чарлз, – но в госпиталь доставили мистера Рофа. Он в бессознательном состоянии, и нам нужна помощь в постановке диагноза и выработки тактики лечения.

– Я сейчас, – ответил хирург.

Успокоив жену, Вадим быстро оделся и вышел, закрыв за собой дверь на ключ, чтобы не беспокоить Надежду, когда вернется назад. Выйдя из дома, он заметил, что Чарлз о чем-то бурно беседовал с вочменом, который периодически взмахивал руками и качал головой.

Как всегда, вочмен пожелал хозяину удачи. Но при этом он бормотал себе что-то под нос на языке менде, который хирург плохо понимал.

В машине уже сидели анестезиолог, терапевт и операционная сестра, от которых Вадим и узнал, что их вызвали оказать помощь тому самому мистеру Рофу, который до недавнего времени работал в госпитале шофером на машине «скорой помощи».

Роф был без сознания. Признаков черепно-мозговой травмы у него не наблюдалось, но изо рта явственно пахло ацетоном. Сестра, дежурившая по хирургическому блоку, грубо сказала, что этот больной сам нашел себе смерть и что никакие лекарства ему сейчас уже не помогут, так как это

ответ общества «Сесайтис», которое предупреждало о трагическом конце.

И хирург вспомнил эпизоды так называемого суда и следствия над мистером Рофом…

Был сухой сезон, и солнце с раннего утра палило с такой яростью, что русские старались избегать прикосновения его лучей, которые словно хотели и их сделать темнокожими. Впрочем, до жителей этой экзотической страны, которые были настолько черны, что, казалось, их кожа отдает синевой, приехавшим из Союза было далеко.

Мистер Роф отличался от соплеменников тем, что его кожа была значительно светлее, а волосы, вьющиеся мелкими кольцами, были рыжими. Видно, недаром в Сьерра-Лумпу долго господствовали англичане и португальцы…

До сих пор жители страны во многом соблюдали уклад жизни, оставшийся им от предков. Например, каннибализм был под запретом уже много лет, но единичные случаи еще фиксировались. Так, по рассказам главного врача, несколько лет назад съели мальчика, который был единственным сыном итальянцев, приехавших строить дорогу до столицы из алмазодобывающего района. Тогда, по словам Рашидика, никого не удалось привлечь к суду. Обычаи, сформировавшиеся за столетия, трудно было изменить за несколько лет. Да и сам президент, правивший Сьерра-Лумпу почти два десятка лет, не хотел, а может быть, боялся, резко менять

стереотипы, которые вдалбливались населению многие века. По-прежнему была сильна власть вождей племен, которые не только управляли людьми, но и вершили правосудие. Полиция при этом только наблюдала…

И тем не менее в Сьерра-Лумпу с уважением относились к грамотным, хорошо знающим современную технику людям. В их число входили и водители автомобилей, которые, как правило, хорошо разбирались в их ремонте и эксплуатации. Мистер Роф был одним из таких «технарей», он очень хорошо разбирался в технике, поэтому пользовался среди сотрудников госпиталя немалым уважением.

В один из дней машина «скорой помощи», которую водил мистер Роф, сломалась, и ремонт ее затянулся, хотя автомобиль был не очень старым, по африканским, конечно, меркам. А тут еще за выходные дни с него сняли лобовое стекло, которое стоило немалых денег, особенно в сравнении с нищенской зарплатой медперсонала госпиталя…

Полицейские арестовали трех служащих, подозреваемых в воровстве, в числе которых оказался и мистер Роф. Русским врачам было интересно, как проходит следствие, и после коротких утренних совещаний они старались расспросить главного врача о ходе расследования этого инцидента. Рашидик с удовольствием рассказывал о всех тонкостях следствия по поимке «злостного преступника», укравшего лобовое стекло с машины «скорой помощи».

– Вчера отпустили еще одного подозреваемого, – сказал

главный врач после того, как закончилась «пятиминутка», – но я могу вас заверить, что вора все равно найдут, даже если это не сможет сделать полиция. Это уже дело моей чести! Я ведь несколько дней ждал и не заявлял в полицию, просил вернуть стекло по-хорошему и обещал никого не наказывать за это. Но сейчас мое терпение лопнуло, и пусть трепещут те, кто это сделал. Им будет значительно хуже, если я прибегну к помощи общества «Сесайтис».

Советские специалисты уже слышали, что «Сесайтис» – это одно из самых загадочных и страшных тайных обществ в Сьерра-Лумпу, состоящее исключительно из мужчин. Члены этого общества, по словам Рашидика, обладали исключительным правом на связи с предками и владели сверхъестественной силой во всех сферах деятельности человека. В том числе и способностью раскрывать любые преступления.

– Когда прибегают к помощи общества «Сесайтис», – говорил Рашидик, – преступник знает, что, если он не сделает так, как требует туркан[7], то обязательно умрет. И смерть его будет мучительной. У туркана есть ручное зеркало со специальным обрамлением из черного дерева, покрытого алмазами. Взглянув в него, он может приказать, и виновный, находящейся даже на очень большом расстоянии, умрет в один момент. У меня был друг, тоже врач. Он, несмотря на то что имел трех жен, стал гулять с младшей женой вождя одного из племен. Туркан предупреждал его, чтобы он прекратил этим

[7] Старшина общества.

заниматься, но тот ослушался, уехал в столицу и продолжал встречаться с этой женщиной. А тут еще пропали некоторые золотые вещи парамончифа, которые люди увидели у этого доктора… Так вот, он умер в ванной комнате в назначенный турканом день и час. Потерял сознание, а из ушей его полилась кровь… Обычно туркан бросает щепотку риса в зеркало, в которое пристально смотрит, и видит, что происходит с жертвой своими глазами…

– Рашидик, дорогой! Кончай рассказывать сказки. Ведь мы уже не дети. Наверняка здесь имело место стечение обстоятельств, и твой знакомый умер от какого-то заболевания, – с улыбкой проговорил гинеколог.

– Какое заболевание может быть у тридцатилетнего мужчины, не болевшего никогда ничем серьезным? – возразил главврач.

– А было ли вскрытие? – не унимался Виктор.

– О чем вы говорите? В нашей стране родственники, как правило, не разрешают вскрывать умерших, – усмехнулся Рашидик.

– Конечно, интересно слушать об этих страшных людях, – сказала рентгенолог Наталья Семеновна, – но нам было бы интересно узнать, на чем основана ваша уверенность в том, что вора все равно найдут и он понесет справедливое наказание?

– Здесь и сомневаться нечего. Мой друг шеф полиции рассказал вчера, как проводится расследование по делу мистера

Рофа. Пока он ни в чем не признался, но позавчера вечером его поместили в одиночную камеру, где по колено воды. Заключенный не только не уснет, но и не сможет сесть до тех пор, пока его не выведут из этой камеры. А сегодня взяли под арест его близких родственников, которые будут сидеть, пока преступник не заговорит…

10

Прошло несколько дней после того разговора, и русские увидели на территории госпиталя мистера Рофа, который уже не улыбался, как обычно, и не приветствовал всех громким голосом. Главный врач рассказал своим коллегам, что Рофа отпустили из тюрьмы по непонятным причинам.

– Ну а как же насчет твоего обещания непременно поймать и наказать вора? – с некоторой издевкой спросил Александр.

– Потерпите. Я уже связался с руководителем общества «Сесайтис», и они приедут завтра с утра как раз с этой целью, – важно ответил Рашидик.

На следующий день на территории госпиталя появились какие-то незнакомые мужчины крепкого телосложения, одетые в национальные одежды. В основном на них были бу-бу, которые напоминали длинные ночные рубашки из красивого холста с большим вырезом спереди, окантованным вышивкой в сочетании с разноцветными камнями.

– Кто эти люди? – спросила операционная сестра Татьяна, приехавшая из Таллина.

– Это и есть представители общества «Сесайтис». Я пригласил их, чтобы они нашли вора. Заплатил им 500 леонцев, – ответил Рашидик.

– Но ведь это намного больше, чем стоит лобовое стек-

ло! – удивился Александр.

– Не важно. Главное дать понять всем, что я не потерплю воровства в госпитале. И пусть все знают, что любой, кто будет уличен в воровстве, будет сурово наказан! – насупился главврач.

– А о чем ты так долго разговаривал с ними утром, прежде чем они разошлись в разные стороны? – не унимался Александр.

– Перед тем как найти преступника, нужно выполнить ряд обязательных процедур, главной из которых является тест, определяющий смогут или не смогут они разыскать вора, – пояснял Рашидик.

– Что же это за тест? – поинтересовался Виктор с недоверчивой улыбкой.

– Тестирование происходит следующим образом. Я им показываю какой-нибудь предмет, а затем прошу одного из сотрудников спрятать его на территории госпиталя в какое-нибудь укромное местечко. И если люди из «Сесайтис» отыщут этот предмет в течение часа, то и вор будет найден обязательно. В данном случае я показал им купленный мной новый замок, и сейчас они его ищут, – спокойно разъяснил Рашидик.

– Но что это за шум? – удивилась Татьяна, выглянув в окно.

Действительно, у дальнего корпуса послышались крики, и почти сразу же появилась многочисленная толпа людей,

громко выкрикивающих какие-то слова. Затем туркан подошел к главному врачу и протянул ему тот самый замок, который запрятали по распоряжению Рашидика. Он шепнул главврачу несколько слов на ухо, после чего все направились к административному корпусу.

– Что он тебе сказал? – тихо спросил Виктор.

– Туркан говорит, что раз они нашли замок, то и вор в скором времени будет найден, – уверенно произнес Рашидик и пошел за толпой.

– Какая-то глупость… – поджав губы, заявила Татьяна, не переставая следить за происходящим через окно.

В этот день плановых операций не было – опять отсутствовало электричество. Быстро закончив принимать больных, советские врачи вышли на площадь перед административным корпусом, где собралось очень много людей, внимательно наблюдавших за работой «следователей» из «Сесайтис».

Рашидик, туркан и некоторые административные работники сидели под навесом в деревянных креслах, а перед ними под палящим солнцем выстроилась группа мужчин. Это напоминало театр, где в почетной ложе сидели высокопоставленные лица, которых угощали холодными напитками, так необходимыми в такую жару. Вдоль шеренги ходили трое людей из общества «Сесайтис» и что-то громко выкрикивали, размахивая перед собой длинными прутьями, напоминающими виноградные лозы, сплетенные в пучок. Это на-

поминало танец колдунов, прутья со злым свистом пролетали почти у самых лиц «подсудимых», вызывая у них явный страх – это было заметно по выражениям их лиц. Казалось, что люди, стоявшие в шеренге, находились под гипнозом. Литые мышцы «колдунов» играли в палящих лучах солнца, как волны в океане, а черная кожа блестела, так как была мокрой от обильно выделявшегося пота. Толпа стояла молча, завороженно наблюдая за происходящим.

– Что происходит? – спросил Александр у Чарлза.

– Пока вы принимали больных, – сообщил Камара, – уважаемые гости очертили круг подозреваемых и построили их в шеренгу, чтобы затем выбрать из них того, кто украл лобовое стекло.

– Ну а что будет, если кто-то не захочет становиться в шеренгу и подвергать себя вот такому испытанию? – спросил Вадим.

– Наши люди очень боятся общества «Сесайтис» и не хотят иметь в их лице врагов. Я, например, не могу припомнить случая, чтобы кто-то отказал им в любой просьбе, – уверенно произнес Чарлз.

– Посмотри туда – на шеренгу. Почему туркан, после того как заглянул в ручное зеркало, вывел из нее двух человек? – спросил Александр.

– Они невиновны, – пояснил Камара.

– Сейчас осталось только четверо подозреваемых, а движения колдунов становятся еще более энергичными и раз-

машистыми. Сколько же идет это… «представление»? – поинтересовалась Татьяна.

– Уже прошло два часа, – ответил Чарлз. – Вопрос серьезный, быстро его не решишь.

Хирург представил себе, как тяжело было стоять людям в шеренге под палящим солнцем, которое находилось в зените. Перед твоим носом со свистом пролетают скрученные прутья, и ты не можешь ни шевельнуться, ни попросить воды. Колдунам-то проще: они периодически сменяют друг друга и отдыхают под навесом, где могут напиться. Руководящий всей этой процедурой туркан то и дело подходит к шеренге и заглядывает в ручное зеркало, обрамленное черным деревом с алмазами. Потом он отпускает невиновных.

Через какое-то время в шеренге остались только Роф и еще один подозреваемый. Тукан подошел к ним, заглянул в зеркало, взял водителя за руку и повел под навес. Они о чем-то долго беседовали, после чего мистер Роф, весь дрожа, медленно покинул территорию госпиталя.

Туркан подошел к главному врачу и сказал, что лобовое стекло украл мистер Роф. Он отвез его в Сефаду, где продал за 200 леонцев владельцу «Пода-Пода». Отпустили преступника потому, что он обещал вернуть стекло в течение трех дней. Если же Роф не вернет украденное или не возместит ущерб, то 20 августа он умрет страшной смертью.

– Ой, какие страсти! – улыбнулся Вадим. – Поехали по домам. Не знаю, как вы, но я от жары и всего этого театра

чертовски устал.

На другой день русские доктора даже не вспоминали о «следствии», выглядевшем так несерьезно. Но после обеда в офис пришел главный врач, который первым делом заговорил о вчерашнем «представлении».

– Мистер Роф вчера вечером прибежал в полицию и попросил посадить его в отдельную камеру, потому что он боится мести со стороны общества «Сесайтис», – сообщил Рашидик.

– А как же тогда его признание в содеянном? – удивился Вадим.

– Да в такую жару и при таком психологическом давлении любой признается в том, чего никогда не делал! – воскликнула Татьяна.

– Мне показалось, что люди, стоявшие в шеренге, были подвергнуты гипнозу со стороны туркана. Вы заметили, что в их глазах были какое-то безразличие и отчужденность? – спросила терапевт.

– Я не могу говорить ни о каком гипнозе. Но мистер Роф заявил в полиции, что его принудили к самооговору и что он просит посадить его в тюрьму, так как боится за свою жизнь, – сказал Рашидик.

– А почему не допросили владельца «Пода-Пода», которому было продано лобовое стекло? – поинтересовался Вадим, но ответа на свой вопрос так и не услышал.

– Что бы мы ни говорили, но сейчас и машина «скорой

помощи» не на ходу, и потрачено 500 леонцев на проведение так называемого «следствия», – сказал Александр. – Я не склонен думать, что можно поставить точку в деле. Боюсь, что скоро мы вновь вернемся к этой странной истории…

11

Мистер Роф лежал без движения, но его прерывистое дыхание было слышно на расстоянии. Внутривенно ему вливались растворы и вводились различные медикаменты.

От его родственников было известно, что в таком состоянии бывший водитель находится уже сутки, а когда еще был в сознании, то слезно просил оставить его в покое, вспоминая все время общество «Сесайтис».

Он умер через четыре часа после того, как его доставили в госпиталь…

Никто из медперсонала не пожалел мистера Рофа – все были уверены в том, что смерть его связана с «Сесайтис». Но анализ истории болезни водителя, результатов его клинического обследования и лабораторных данных показал, что мистер Роф страдал сахарным диабетом, лечением которого практически не занимался. По-видимому, у него развилась гиперосмалярная кома, об этом говорили и запах ацетона изо рта, и ряд лабораторных данных.

Но население города твердо было уверено, что общество «Сесайтис» сделало свое дело…

Русские врачи никак не могли понять, почему все случилось именно в тот день, который назвал туркан? Впрочем, за время, что им пришлось проработать в этой стране, они много раз с удивлением смотрели на происходящее вокруг

и не могли дать логичного объяснения многим загадочным явлениям.

В большинстве своем странности происходили с участием общества «Сесайтис». Говорили, что его члены могли даже зомбировать людей. Одним из примеров стал удивительный случай с доктором Кабо, который однажды куда-то пропал.

Поначалу решили, что это – результат пьянки. Но все знали, что после любой, даже самой изобильной гулянки Кабо обязательно приходил на работу, однако он не появился ни на следующий день, ни на третий… Главный врач поинтересовался у жены Кабо, где ее муж, но и она ничего не смогла сказать о его местонахождении.

Доктор отсутствовал несколько дней, а потом появился – ранним утром, с бритой головой, с венчиком из засохшей травы на ней и пучком какого-то колосового растения в правой руке. Он был явно заторможен и не отвечал на вопросы. На следующее утро Кабо оставался в таком же состоянии и, что самое главное, был трезв.

Уже потом, дней через семь, он рассказал, что был похищен обществом «Сесайтис», члены которого доставили его в лес. Но где он был, вспомнить не может. Кабо все время твердил, что он выше всех, что наделен сверхъестественной силой и что может очень многое…

Врачей поразило то, что он стал более молчаливым и совершенно перестал употреблять спиртные напитки.

Рашидик предположил, что общество «Сесайтис» похи-

тило доктора – оно и раньше воровало нужных им людей. Но доктор Кабо, по-видимому, не подошел ему, и его отпустили, вылечив от алкоголизма…

12

Пребывание за границей наложило свой отпечаток на поведение хирурга и его жены: они стали лучше относиться друг к другу, старались доставлять радость в любых мелочах. Для Вадима, поднимающегося рано утром, теперь не составляло труда после выполнения зарядки приготовить завтрак и пригласить жену к накрытому уже столу (он научился хорошо готовить кофе по-ливански из зерен). Они очень скучали по своим детям, которые остались в России с родственниками Надежды (девочке было девять лет, а мальчику – только пять). Письма из Советского Союза прилетали с дипломатической почтой раз в месяц, и все с нетерпением ждали вестей от родных и близких. Особенно радовали хирурга и его жену письма от детей (вначале их писала только дочь, а на отдельном листке бумаги присылала рисунок в виде обведенной кисти брата, не забывая обвести карандашом и свою ладошку). Эти письма перечитывались много раз, и все это заканчивалось поцелуем бумаги…

Мысленно муж и жена часто прокручивали эпизоды жизни малышей с самого их рождения, и тогда возникало чувство жалости из-за того, что недостаточно все-таки уделяли они внимания своим детям. Им так хотелось хоть одним глазом увидеть сына и дочку!

Наконец подошло время отпуска. Увы, гинеколог должен

был сопровождать свою жену в Союз на роды, а значит, Вадим никак не мог покинуть госпиталь. Поехать домой могла только Надежда – хирург прекрасно понимал жену, которая рвалась встретиться с детьми и родственниками.

Пришлось готовиться к вынужденному одиночеству. Вадим научился даже выпекать хлеб – он брезгливо относился к хлебу, испеченному местным населением в самых антисанитарных условиях, да и получался хлеб домашней выпечки намного вкуснее.

Утром, провожая жену, хирург делал вид, что все идет хорошо, что он бодр и весел. На самом же деле на душе у него скребли кошки. Да еще не удалось даже проводить Надежду в аэропорт: в госпитале из специалистов оставались только женщины, а так поступать не полагалось.

Рано утром машина отъехала от дома хирурга…

Вадим даже не ожидал, что у него из глаз сами собой потекут слезы.

– Ты чего расслабился? – спрашивал он себя, стоя у зеркала. – Все идет нормально, два месяца пролетят быстро…

Но на душе было тяжело. Как будто камень лежал на сердце. Сколько он просидел, понурившись в кресле, хирург не заметил. Пришел в себя только когда сквозь оконную сетку с ним поздоровался бой, обнаживший зубы в улыбке.

Вадим вышел из дома.

– Фодя, вот тебе деньги, купи мне сигареты.

– Но вы же никогда не курили. Зачем заниматься этим

сейчас? – разумно поинтересовался бой.

И хирург молча согласился с этим разумным человеком.

Фоде было чуть больше сорока лет. Атлетически сложенный, он мог делать по дому абсолютно все. Первое время Вадим и его жена удивлялись, как хорошо все у боя получалось. Особенно восхищало Надежду мастерство, с каким он отглаживал брюки и рубашки утюгом на углях…

Хирург решил, что нужно было собираться на работу. Он позавтракал и сходил за машиной. Приехав в госпиталь, заставил себя заняться ревизией инструментов в кладовой – врачи общей практики еще не пришли и направлять на консультацию больных было некому. А сидеть без дела Вадим не мог.

Время тянулось ужасно медленно, и в голову лезли самые невероятные мысли. Росло беспокойство за жену, которая как раз в это время должна была проходить таможенный контроль и садиться в самолет. Казалось бы, беспокоиться не о чем: ничего запрещенного Надежда не везла. Да и старший группы обещал, что они с консулом проводят ее через таможенный контроль (вещи были хорошо упакованы, и очень не хотелось их перетряхивать). Правда, смущало то, что новый консул был излишне мягким человеком, к тому же не умел он быстро сходиться с людьми и решать неожиданные проблемы, как это делал его предшественник. Новый дипломат демонстративно не употреблял спиртное – наверное, это было правильно в период горбачевской антиалкогольной кам-

пании, но мешало ему находить общий язык с местными чиновниками, которых совершенно не интересовали предписания на этот счет советского генсека. Все это очень сказывалось на его основной работе, которая во многом зависела от коммуникабельности человека – за бутылкой пива или за рюмкой джина многие вопросы решаются быстрее, что у нас, что в Африке (марьяж, как известно, он и в Африке – марьяж)… Если же учесть, что и новый посол вышел из партийных функционеров «перестроечного» призыва, не знающих даже английского языка, то можно представить себе уровень дипломатической работы в посольстве на тот период…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.